

ГРИГОРОВИЧ, Дмитрий Васильевич [19(31).III.1822, с. Никольское, Симбирск -- 22.XII.1899 (3.I.1900), Петербург, похоронен на Волковом кладбище] -- прозаик, переводчик, искусствовед. Сын небогатого русского помещика и француженки, чья сводная сестра была замужем за декабристом В. П. Ивашевым. Рано оставшись без отца, мальчик воспитывался матерью и бабушкой, говорившими только по-французски. Русскому языку он учился у камердинера и дворовых.

В 1832--1836 гг. учился в Москве в частной гимназии и пансионе, где также преобладала французская речь. В 1836 г. Г. поступил в Петербургское Главное инженерное училище, где он подружился с Ф. М. Достоевским, приохотившим его к чтению. Карьера офицера не интересовала Г., и при первой возможности он покинул училище, поступив в 1840 г. в Академию художеств, но также не завершил учебу. Не увенчалась успехом и попытка Г. стать актером. В 1842 г. он определился на службу в канцелярию Петербургского Большого театра. Общение с актерами и драматургами побудило Г. самого заняться литературным творчеством. Он перевел французские водевили "Наследство", "Шампанское и опиум" (оба -- 1843), напечатал рассказы "Собачка" (1845), "Театральная карета" (1844), в которых давало себя знать подражание Н. В. Гоголю.

Благодаря своей общительности Г. завел широкий круг знакомств, преимущественно в литературных кругах. В 1845 г. Н. А. Некрасов привлек Г. к участию в издаваемом им альманахе "Физиология Петербурга". Г. очень ответственно отнесся к этому сотрудничеству и на основе наблюдений за жизнью уличных музыкантов написал очерк "Петербургские шарманщики", проникнутый неподдельным сочувствием к жизни бродячих артистов. Белинский в рецензии на "Физиологию Петербурга" отметил, что очерк Г. свидетельствует о наблюдательности автора и его умении "схватывать характеристические явления" (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.-- Т. IX.-- С. 55).

Ободренный успехом Г. создал новую повесть "Деревня" (1846), в которой поведал трагическую историю деревенской девушки-сироты, выданной барином за нелюбимого. В повести проявилась ориентация на принципы "физиологического очерка". Основное внимание Г. уделяет не анализу чувств и мыслей героини, а изображению событий, внешности действующих лиц, деталям обстановки. Сильной стороной повести явилась резкая критика крепостничества, в условиях которого человеческая судьба и жизнь зависят от прихоти господина.

"Деревня" была, по словам И. С. Тургенева, "по времени первая попытка сближения нашей литературы с народной жизнью" (Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.-- М.; Л., 1967.-- Т. 14.-- С. 33). Белинский увидел в повести призыв к практической деятельности по улучшению существования рабов (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.-- Т. X.-- С. 16--17).

Подлинную литературную славу Г. принесла вторая его повесть "Антон Горемыка" (1847). Задавленный нуждой и произволом мужик, герой произведения, становится воплощением лучших качеств национального характера, самораскрытию которого мешает гнет крепостного права. Фигура всемогущего управляющего рисуется в сатирических красках. Протест против бесчеловечных порядков звучит здесь еще сильнее, чем в "Деревне". В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину сообщал, что ни одна русская повесть не производила на него "такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления" (Полн. собр. соч.-- Т. XII.-- С. 445).

В "Антоне Горемыке" Г. преодолел односторонность "физиологического очерка" и, по мнению Белинского, приблизился к роману. Повесть Г., считал критик, "больше, чем повесть: это роман, в котором все верно основной идее, все относится к ней, завязка и развязка свободно выходят из самой сущности дела" (Полн. собр. соч.-- Т. X.-- С. 347).

Повесть была единодушно одобрена писателями и критиками. А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой и др. указывали на огромное социальное и воспитательное значение "Антон Горемыки". Известный деятель освободительного движения П. А. Кропоткин вспоминал: "Ни один образованный человек того времени -- да и позже -- во время моей молодости не мог читать без слез о несчастиях Антона и не возмущаться ужасами крепостного права" (Собр. соч.-- Т. 5.-- С. 242).

В конце 40 -- нач. 50 гг. Г. опубликовал (преимущественно в "Современнике") ряд рассказов и очерков, свидетельствующих о его близости к антикрепостническому движению, хотя он и не поднимался над либеральной программой. В годы "мрачного семилетия" (1848--1855) под давлением цензуры Г. вынужденно смягчает социальную остроту своего творчества: его произведения ("Четыре времени года", "Мать и дочь", "Прохожий") освещают в основном светлые стороны деревенской жизни.

Овладев "малыми формами", Г. пробует силы в освоении масштабного произведения. Свое понимание дворянской и народной России он выразил в романе "Проселочные дороги" (1852). Взяв за образец "Мертвые души" Гоголя, Г. создал "роман без интриги", проникнутый отрицанием паразитического существования помещиков-"небокоптителей" и явной симпатией к представителям народа, которые являются лишь эпизодическими персонажами. Критика справедливо указывала на растянутость и подражательность "Проселочных дорог".

Через год Г. опубликовал новый роман "Рыбаки", целиком посвященный народу. В свободном от